

Федоров Роман Юрьевич

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЛАНДШАФТЫ: ВВЕДЕНИЕ В ПОНЯТИЕ И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье впервые предложена идея введения в методологические подходы гуманитарных исследований понятия "цивилизационный ландшафт" и представлена авторская концепция региональных цивилизационных ландшафтов. На примере реконструкции формирования регионов Урала и Сибири в XVI-XX столетиях выделены "соледобывающая", "пушная", "горнозаводская" и "нефтегазодобывающая" региональные микро-цивилизации, каждая из которых сформировала свой уникальный цивилизационный ландшафт, выраженный в специфических системах производства и расселения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 193-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

В статье впервые предложена идея введения в методологические подходы гуманитарных исследований понятия «цивилизационный ландшафт» и представлена авторская концепция региональных цивилизационных ландшафтов. На примере реконструкции формирования регионов Урала и Сибири в XVI–XX столетиях выделены «соледобывающая», «пушиная», «горнозаводская» и «нефтегазодобывающая» региональные микроцивилизации, каждая из которых сформировала свой уникальный цивилизационный ландшафт, выраженный в специфических системах производства и расселения.

Ключевые слова и фразы: цивилизационный ландшафт; локальные цивилизации; регион; социально-технологический комплекс; хозяйственное освоение территорий; Азиатская Россия.

Роман Юрьевич Федоров, к. филос. н.
Институт криосферы Земли
Сибирское отделение Российской академии наук
r_fedorov@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЛАНДШАФТЫ: ВВЕДЕНИЕ В ПОНЯТИЕ И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ©

Введение

На протяжении XX столетия в гуманитарных науках все более отчетливо происходило выделение междисциплинарных подходов, направленных на комплексные исследования пространственной организации деятельности человека и ее результатов, материализованных в географической среде. Среди них наиболее последовательное развитие получили концепции культурного ландшафта. Понятие «культурный ландшафт», введенное почти одновременно в научный оборот в Европе, России и США Отто Шлютером, Л. С. Бергом и Карлом Зауэром, получило в разных исследовательских школах свои оригинальные интерпретации и отличные друг от друга пути развития [2, с. 463-465; 14, р. 36-48]. Однако несмотря на это можно выделить ряд базовых характеристик этого понятия. В наиболее общем приближении под культурным ландшафтом можно подразумевать комплекс материальной и духовной культуры определенного локального сообщества, который накладывается на окружающий природный ландшафт путем его целенаправленного преобразования или надления его элементов определенными ценностями и смыслами культуры.

Одним из основных противоречий, сопровождавших данный подход на протяжении всей истории его развития, являлся вопрос, какие проявления жизнедеятельности человека можно включить в понятие «культурный ландшафт», а какие нет. Эта проблема оказалась ярко выраженной в российской гуманитарной географии. К примеру, Ф. Н. Мильков в своих работах вводил четкое разделение антропогенных ландшафтов на «культурные» и «акультурные», разделяя этим созидательные и деструктивные результаты деятельности человека по преобразованию природной среды [8]. В рамках направления, разработанного Ю. А. Ведениным, первоочередную ценность представляют те культурные ландшафты, которые являются носителями историко-культурного наследия определенного места или региона. При этом «рядовые» ландшафты, такие как индустриальные поселения или спальные жилые районы, как правило, выпадают из поля зрения подобных исследований [4]. В. Л. Каганский, наоборот, утверждает, что «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно целно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [6, с. 24]. При этом В. Л. Каганским были рассмотрены в качестве культурных ландшафтов такие проблемные с точки зрения социальной жизни и экологии районы как Норильская промышленная зона, северные индустриальные города и т.п.

В одном из наиболее популярных современных учебных пособий, изданных в США Джеймсом Рубинштейном под названием «Культурный ландшафт: введение в гуманитарную географию», в качестве основных объектов исследования и составляющих культурного ландшафта рассматривается такой широкий круг явлений как демография, миграции, традиционная и массовая культура, язык, религии, этнические культуры, социально-политическое и экономическое устройство территорий, добыча природных ресурсов, промышленность и сфера непродовольственных услуг, городские и сельские системы расселения и т.д. [13].

Все эти на первый взгляд очень разные трактовки понятия «культурный ландшафт» невольно способны вызвать следующий полемический вопрос: может ли прилагательное «культурный» вместить в себя весь спектр деятельности современного человека и ее актуализации в географическом пространстве? По приведенным выше примерам мы видим, что одни авторы намеренно сужают познавательное поле своих исследований, разграничивая «культурные» и «акультурные» компоненты антропогенной деятельности. В других случаях в рамки понятия «культура» по умолчанию включаются практически все составляющие деятельности локальных сообществ (к примеру: экономика и политика, производство и технологии, загрязнение окружающей среды и т.д.). Соответственно, остается не совсем ясным, могут ли, к примеру, быть корректными исследования жизнедеятельности сообществ индустриального типа, структура и ценности которых

во многом определяются технологическими и социально-экономическими факторами лишь с позиций их культурного значения? Быть может для подобных случаев более уместной и эвристически продуктивной альтернативой познавательных рамок культурного ландшафта может стать понятие «цивилизационный ландшафт»? Учитывая многообразие трактовки понятия «культура» (включающих сотни ее различных авторских определений), мы никогда не сможем дать на это однозначный утвердительный ответ. Попробуем лишь в общих чертах проследить некоторые различия и сходства этих двух понятий.

Что такое цивилизационный ландшафт?

На сегодняшний день в мировой науке сложилось несколько основных трактовок понятия «цивилизация». В наиболее ранних историософских трактовках, возникших в Европе в эпоху Нового времени, понятие «цивилизация» отождествлялось с качественно новыми достижениями исторического прогресса, выраженными в социальных, экономических и материально-технических достижениях общества, противопоставленных дикости «отсталых народов» (А. Фергюсон, Л. Морган, Ф. Энгельс). В начале XX века, в противовес господствовавшему ранее европоцентристскому подходу, стали формироваться исследовательские направления, изучающие многообразие цивилизаций, локализованных во времени и пространстве (О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс). Во многих случаях каждая локальная цивилизация рассматривалась как целостная система или даже подобие своеобразного организма, представляющего собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем, переживающего определенные жизненные циклы становления, развития, упадка, исчезновения или перерождения. К их примерам можно отнести исчезнувшие цивилизации майя, инков, вавилонскую, шумерскую, ассирийскую, античную, древнеримскую, византийскую и др. цивилизации.

В это же время наметилось противопоставление понятий «культура» и «цивилизация». По Шпенглеру, цивилизация являлась следующей после культуры стадией развития общества, которая характеризовалась деградацией его культурного потенциала, подменой иррациональных, живых проявлений культуры их рационализированными, рассудочными интерпретациями; заменой религиозных и моральных ценностей, регулирующих жизнь общества, на обезличенные формализованные правила и законы [12]. Подобное понимание цивилизации было свойственно и российскому философу Николаю Бердяеву, рассматривавшему ее в качестве «смерти духа культуры» [3].

Данный подход сегодня обладает высокой актуальностью в свете изучения получающих все большее развитие процессов разрушения многих форм традиционной или «фундаментальной» (по определению Ортеги-и-Гассета) культуры разных этносов [9]. В настоящее время в первую очередь они находят свое отражение в подмене их непосредственных проявлений упрощенными эстетизированными интерпретациями, вводимыми в оборот массовой культуры, индустрии развлечений и лишенными своего оригинального ценностно-смыслового контекста.

Все приведенные выше трактовки понятия «цивилизация» в той или иной степени заслуживают своего внимания в контексте конструирования концепции цивилизационного ландшафта. Опираясь на них, в наиболее общем приближении мы можем рассматривать цивилизацию в качестве своеобразного «продукта» культуры, ставшего системой функционирования определенного сообщества, получившей свою географическую, институциональную и технологическую актуализацию. Таким образом, определение «цивилизационный» можно рассматривать как своеобразное противопоставление сложившейся в европейском иррационалистическом философствовании «метафизики ландшафта» (М. Хайдеггер, Ф. Ницше) его «физике», выраженной в конкретных социальных институтах, наземных коммуникациях, системах расселения и т.д. [10].

Опираясь на данное понимание, цивилизационным ландшафтом можно назвать территориально локализованный комплекс различных проявлений жизнедеятельности большого сообщества людей и ее актуализации на поверхности Земли, подчиненной определенной ценностно-смысловой парадигме. При этом объектом исследования становится предельно широкий спектр проявлений деятельности локальных сообществ, включая парадигмы хозяйственного освоения территорий, их социально-политического и экономического устройства, производство и технологии, системы наземных и социальных коммуникаций, системы расселения, традиционные и инновационные элементы культуры и т.д.

В этой статье мы сделали попытку рассмотреть локальные цивилизационные ландшафты на примере специфических парадигм освоения русскими территории Азиатской России в период с XVI до XX столетия.

Одним из наглядных примеров нашего понимания цивилизационного ландшафта может служить идея «советской цивилизации», которая в последнее время активно разрабатывалась С. Г. Кара-Мурзой [7]. Будучи подчиненными определенной духовно-нравственной и идеологической парадигме, в Советском Союзе сложились свои уникальные и достаточно изолированные от окружающего мира принципы развития социальной и культурной сферы, образования и науки, армии, промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т.д. «Советская цивилизация» создала уникальные лишь для нее социальные институты, нормы поведения, селитебные модели и внешний облик городов. Советский Союз почти полностью обеспечивал различные отрасли хозяйства собственными технологиями – космическими кораблями, самолетами, автомобилями, станками, приборами. Таким образом, «советская цивилизация» репродуцировала как определенный образ жизни, так и актуализацию его ценностей, воплощенную в особенностях административно-территориального устройства регионов, облике поселений, материальной культуре и технологиях. Данная система породила свой «цивилизационный язык», подчас с трудом переводимый на языки других мировых цивилизаций и культур, ввиду отсутствия в них аналогичных архетипов смыслообразования и опыта их переживания. В каком-то смысле метафорическим определением представителя «советской цивилизации» можно рассматривать часто употреблявшееся в момент ее распада ироничное определение *Homo Sovieticus*.

Региональные цивилизационные ландшафты

Цивилизационный ландшафт может обладать разными структурными и территориальными масштабами. Пространство отдельно взятого государства может складываться из целого ряда региональных цивилизационных ландшафтов. Наглядным примером этого может являться такое мультикультурное государство как Израиль, в котором разные этнические сообщества репродуцируют различающиеся по своему ценностно-смысловому характеру и материальному облику типы ландшафтов. Однако помимо этого, в качестве своеобразных цивилизационных ландшафтов могут быть рассмотрены и некоторые региональные системы расселения, сложившиеся, на первый взгляд, в достаточно однородной этнокультурной среде.

В 1926 году видный российский этнограф и краевед, профессор Пермского университета П. С. Богословский опубликовал статью, в которой им было впервые предложено понятие «уральской горнозаводской цивилизации» [1]. Используя его, автор хотел подчеркнуть, что сформировавшаяся в течение XVIII–XIX столетий на территории Урала масштабная система расселения, состоящая более чем из двухсот городов-заводов, является не просто промышленным экономическим районом, но и самобытным регионом, обладающим уникальными особенностями духовной и материальной культуры, образа жизни населяющих его людей.

Очевидно, что уместность применения понятия «цивилизация» к региональной системе расселения может вызвать возражения у людей, знакомых с принципами цивилизационного подхода, сложившегося в гуманитарных науках XX века. Стало привычным, что в его рамках объекты исследования рассматриваются в масштабе отдельных этносов или групп государств, объединенных определенным духовным и культурным путем развития, особенностями хозяйственного уклада или взаимодействий природы и человека. Однако было бы опрометчиво отрицать то, что одним из востребованных и перспективных направлений развития цивилизационного подхода может стать рассмотрение отдельных экономических и историко-культурных районов в качестве своеобразных цивилизационных ландшафтов.

Конечно, в современную эпоху глобализации было бы изначально некорректно рассматривать локальные микро-цивилизации в качестве неких замкнутых или самодостаточных систем, вырванных из общегосударственного или общемирового контекста. Скорее их можно понимать как некие умозрительные конструкции, рассматривающие модели подобных цивилизаций с определенной «точки зрения», в которой каждый исследователь может сфокусировать свои познавательные акценты и территориальные масштабы.

Актуальность развития подобного подхода в первую очередь связана с тем, что он позволяет глубже понять роль того или иного региона в формировании экономической, социальной и культурной жизни государства в целом, тем самым открывая новые возможности для формирования системных подходов к изучению его территориальной организации.

С этих позиций нами были подвергнуты ретроспективному рассмотрению в качестве локальных цивилизационных ландшафтов некоторые региональные системы расселения, сыгравшие важную роль в истории освоения Урала и Сибири. Основными критериями для выделения той или иной «региональной цивилизации» послужили ключевые принципы (парадигмы) хозяйственного освоения, результатом которых стало формирование специфических систем расселения.

Соледобывающая цивилизация

Начавшееся в XIV веке формирование систем поселений на северо-восточных рубежах России (Русском Севере и Северном Прикамье), специализировавшихся на разработке месторождений соли, можно считать важным плацдармом, заложившим фундамент ранних этапов целенаправленного освоения Азиатской России. Основными субъектами, осуществлявшими освоение районов, богатых запасами соли, являлись отдельные промышленники, как правило привлекавшие труд рабочих – выходцев из крестьянской среды. Наиболее известной и влиятельной династией солепромышленников являлись Строгановы. Их деятельность придала решающий импульс к развитию города Сольвычегодска. В XVI–XVII веках город занимал одно из ключевых мест в промышленной добыче соли, торговля которой играла важную роль в экономике государства.

В 1558 году Строгановыми была получена царская грамота на владение приуральскими и прикамскими землями. В 1564 году ими было основано свое первое поселение в Северном Прикамье – Орел городок. В 1606 году рядом с ним был создан еще один важный центр солеварения – Усолье. Примечательно, что эти поселения выступили в качестве важного плацдарма, с которого начиналось целенаправленное освоение Сибири. Именно оттуда на покорение Сибирского ханства отправился отряд Ермака, охранявший соляные вотчины Строгановых.

Другим, еще более старым и крупным центром солеварения в Северном Прикамье являлся город Соликамск, по преданию основанный в 1430 году выходцами с вологодских земель промышленниками Калиниковыми. Соликамск также можно рассматривать в качестве одного из важнейших плацдармов ранних этапов освоения Сибири. Именно в нем брала свое начало открытая в 1597 году Бабиновская дорога, являвшаяся на протяжении 150 лет единственным официально разрешенным путем в Сибирь.

Попробуем вкратце рассмотреть особенности социокультурной организации городов «соледобывающей цивилизации». Географической особенностью этих поселений всегда являлось их периферийное положение. Будучи основанными на северо-восточных рубежах государства, эти города сегодня, как правило, продолжают занимать периферийное положение в пространстве современных регионов, на территории которых они расположены. Выбор места для основания этих городов был продиктован размещением месторождений полезных ископаемых. Поэтому, как правило, он носил точечно-кустовой характер.

Часто природно-климатические условия этих мест не были благоприятны для строительства крупных поселений. Так, общеизвестна борьба Строгановых с паводками и затоплениями Сольвычегодска. Из-за схожих проблем прекратил свое существование Орел-городок. В 1669 году в Сибири, на территории современной Иркутской области, на месте открытого первопроходцами соляного источника был основан город Усолье Сибирское, развитие которого во многом происходило по той же схеме, что и у его соледобывающих предшественников на Урале. При этом, несмотря на свое периферийное положение, многие города «соледобывающей цивилизации» стали важными региональными духовными и культурными центрами. Данное обстоятельство было во многом обусловлено тем, что в XVI–XVII веках соль являлась для русского государства дорогостоящим и стратегически важным товаром, занимавшим заметное место в его экономике. Высокие прибыли солепромышленников нередко шли на строительство выдающихся образцов храмового и гражданского зодчества, развитие декоративно-прикладных традиций. Так, общеизвестным стало высокое признание «строгановского стиля» в архитектуре и иконописи, развитие которого во многом было связано с успехом соляных промыслов этой династии.

Судьбы городов «соледобывающей цивилизации» сложились по-разному. Во всех случаях на протяжении XVIII–XIX столетий их экономическое значение уменьшалось. Отчасти это было связано с введением Петром I в 1705 году государственной соляной монополии, ограничивавшей деятельность частных промышленников, отчасти с открытием ряда новых, расположенных южнее месторождений соли, благодаря которым последняя стала более доступным и недорогим товаром. Поэтому в большинстве случаев для соледобывающих городов существовало две модели развития. Первая из них предполагала преемственность добычи соли новым, более актуальным для своего времени формам освоения. Так произошло с кустом соледобывающих городов Северного Прикамья. Еще в конце XVII – начале XVIII века эти города стали важным плацдармом для начала формирования «уральской горнозаводской цивилизации». Лишь после строительства Екатеринбурга и Перми Соликамск окончательно утратил роль одного из стратегических центров развития горнозаводской промышленности.

В начале XX века на территории Соликамска были выявлены большие запасы калийных солей, которые оказались широко востребованы в промышленности и сельском хозяйстве. Это дало импульс к новой волне интенсивного индустриального развития этого района. Несмотря на последующее увеличение масштабов производства, мононаправленный, ресурсодобывающий характер экономики этого района еще более усилился. Однако несмотря на данное обстоятельство, в качестве еще одного ресурса развития этих территорий все чаще стало рассматриваться их богатое культурное наследие. Такие города Северного Прикамья как Соликамск, Усолье и Чердынь в последнее время стали важными региональными центрами духовной жизни, культурно-познавательного туризма и историко-краеведческих исследований.

Развитие большинства соледобывающих городов Русского Севера шло по иному пути. Находясь вдали от крупных центров промышленного освоения, такие города как Сольвычегодск, Солигалич или Тотьма сегодня продолжают существовать в качестве своеобразных реликтов освоенческих ценностей эпохи своего расцвета, обладающих достаточно архаичной социокультурной средой. Численность населения этих городов не превышает 10 000 человек и по своему социально-экономическому устройству они вполне могут быть сопоставлены с поселковыми райцентрами. В них практически отсутствует промышленное производство. При этом предпринимаются попытки развития рекреационной сферы. Воду озера Солоное, расположенного в черте Сольвычегодска, используют в лечебных целях находящийся здесь бальнеологический курорт. Архитектурные памятники и музеи Сольвычегодска привлекают приезжающих сюда туристов. Сегодня лишь величественные храмы и усадьбы, построенные по заказам Строгановых и других богатых промышленников, возвышающиеся над одноэтажным частным сектором, напоминают приезжим о выдающемся прошлом этого города.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что «соледобывающая цивилизация», утратившая свое выдающееся экономическое значение еще три столетия назад, стала важным опорным плацдармом для присоединения Сибири к русскому государству и последующему промышленному освоению Урала. Экономическая деятельность солепромышленников стала основой для расцвета в этих городах храмового и гражданского зодчества, сопровождавшегося появлением оригинальных архитектурных и декоративно-прикладных стилей, самобытных культурных традиций, во многом определяющих историко-культурную индивидуальность ряда современных регионов.

Пушная цивилизация

С первыми шагами русских по сибирской земле пушнина являлась своеобразным аттрактором, заводившим первопроходцев все дальше в глубь североазиатского континента. В XVI–XVIII веках пушнина являлась одним из самых дорогостоящих и стратегически важных товаров для русского государства. Ее большая часть поставлялась на экспорт, составляя основу внешней экономики России. Взамен пушнины в страну из Европы ввозились многие необходимые промышленные товары.

Возникновение большинства первых опорных острогов, основанных в Сибири, так или иначе было связано с добычей пушнины. Уменьшение популяций пушных зверей, стремление обложить ясачными повинностями новые народы определяли высокую пространственную мобильность агентов этого раннего этапа освоения Сибири. Поэтому пространственная организация данной формы освоения преимущественно носила маршрутный характер [11, с. 229-234]. Узловыми элементами данных маршрутов являлись города-остроги. Помимо представительских и военно-оборонительных функций в их задачи входило утверждение многих важных атрибутов русской государственности и духовной культуры. Именно здесь были построены первые в Сибири храмы и монастыри, созданы институты государственной власти. «Пушные города»

выступили в роли главных узловых элементов маршрута «Сибирского пути» начала XVI – первой половины XVIII века, ставшего важной в масштабах экономики государства торгово-промышленной магистралью, которую иногда называют «дорогой, создавшей Россию». В первом за Уралом городе этого маршрута – Верхотурье с 1600 по 1753 годы была размещена таможня, предназначенная для учета и обложения налогом всей вывозимой из Сибири пушнины. Это обстоятельство обуславливало тот факт, что Бабиновская дорога до середины XVIII века являлась единственным официально разрешенным путем в Сибирь.

Начиная с XVIII века, роль пушнины в экономике Сибири и государства в целом начинает падать. В первую очередь это было связано с уменьшением популяций промысловых животных на ее территории на фоне развития этого промысла в Северной Америке (во второй половине XVIII – первой половине XIX века развитие пушного и зверобойного промыслов русских на территории современной Аляски можно отнести к последнему всплеску пространственной экспансии «пушной цивилизации»). Другим немаловажным фактором, способствовавшим вытеснению на второй план добычи пушнины в жизни азиатской России, являлось развитие на ее территории промышленности, сельского хозяйства и кустарных ремесел, начинавших играть все большую роль в ее экономике. Соответственно, и города, в первоначальные задачи которых входило обеспечение сбора пушнины, постепенно начали ориентироваться в своем развитии на иные освоенческие ценности. Так, города, находившиеся на наиболее разветвленных участках Сибирского пути (Тюмень, Томск, Иркутск, Якутск), впоследствии превратились в крупные региональные центры с многопрофильной экономикой и социокультурной сферой. Другие узловые города, оказавшиеся вытесненными на периферию складывавшихся новых регионов, утратили свое былое административно-экономическое значение и превратились в центры традиционной культуры и духовной жизни, которые во многом продолжают жить ценностями эпохи их расцвета (Верхотурье, Тобольск, Тара, Енисейск).

Примечательно, что в отдельных городах – прежних центрах заготовки пушнины – сегодня существуют предприятия, специализирующиеся на разведении пушных зверей и изготовлении меховых изделий. Но они уже не играют заметной роли в экономике этих городов.

Одним из важных архетипов «пушной цивилизации», дошедших до наших дней, являются гербы ряда ее городов, на которых запечатлены пушные животные (на гербе Верхотурья изображен соболь, на гербе Тюмени – бобр и лис, на гербе Тары – горностаи, Иркутска – бабр, держащий в пасти соболя, на гербе Туруханска – песец, на гербе Салехарда – лисица и т.д.).

Говоря о значении «пушной цивилизации» для более поздних форм освоения территории Сибири и нашего времени, следует отметить, что она оказала колоссальное влияние на стремительный характер продвижения русских первопроходцев на Восток и формирование первоначальной поселенческой «разметки» территории Сибири, связанной с закладкой линейной основы опорного каркаса ее освоения. В свою очередь, «пушная цивилизация» послужила основой для начала аграрного и промышленного освоений Сибири, с которыми было связано формирование на ее территории региональных систем расселения.

Горнозаводская цивилизация

В результате освоения территории горнозаводского Урала к концу XVIII века в России был сформирован один из первых ярко выраженных промышленных регионов – Пермская губерния. Его становление было связано со строительством в начале XVIII столетия на Урале ряда крупных промышленных поселений. К середине XIX века на территории Пермской губернии существовало около 260 городов-заводов, на которые приходилась почти половина промышленных поселений на территории всей России [1]. В качестве своеобразного плацдарма для его строительства выступил предшествовавший ему слой крестьянской колонизации края, осуществлявшейся преимущественно с середины XVII века. В отличие от промысловой «пушной цивилизации», крестьянское освоение подразумевало процесс «заземления», укоренения переселенцев на определенном месте. Благодаря этому, основной рабочей силой первых уральских городов-заводов стали, по большей части, насильственно приписанные к ним крестьяне из близлежащих деревень.

Формировавшиеся по подобному принципу промышленные поселения являлись своеобразными «плавильными котлами», в которых происходила постепенная трансформация крестьянской общины в промышленное общество.

В отличие от «пушной цивилизации», наметившей линейный маршрут простираения России на Восток, «горнозаводская цивилизация» способствовала формированию внутренних опорных каркасов освоения, воплощавших организационно-коммуникативную структуру уже достаточно сложных производственно-поселенческих комплексов.

В 1699 году вышел петровский указ о «Заведении вновь Верхотурских железных заводов». Несмотря на его название, основные импульсы промышленного освоения края исходили не из Верхотурья, а, как бы мы сейчас выразились, от «людей новой формации» – Демидовых и таких деятелей петровской эпохи как В. И. Генин и В. Н. Татищев. В 1700 году было начато строительство Невьянского завода, на котором спустя год был выплавлен первый чугун. В 1720 году был заложен Нижнетагильский завод, вскоре превратившийся в один из крупнейших промышленных центров Урала, а в 1723 началось строительство Екатеринбурга. В 1781 на месте поселка Егояхинского завода был заложен город Пермь, ставший центром Пермского наместничества, а позднее – Пермской губернии.

В отличие от прежних городов-острогов, основная задача градообразующих центров которых заключалась в утверждении на колонизируемых территориях, по крайней мере, минимального набора государственной атрибутики (кремль, монастырь, приказная изба, дом воеводы и т.д.), организующими доминантами новых типов поселений нередко становились заводы, а главенствующую роль в их социальной жизни брали на себя новые светские институты, такие как Берг-коллегия, Горная канцелярия и др.

В культурном ландшафте построенных в XVIII веке крупнейших центров экономической и культурной жизни Урала – Екатеринбург и Пермь можно проследить воплощение целого ряда новых градообразующих стандартов, впервые получивших развитие в Петербурге, городе, в котором были заложены «основы принципиально иной поселенческой организации со своими смыслообразующими и коммуникативными центрами» [5, с. 90].

В XIX и XX столетиях можно проследить две основные тенденции в трансформациях «горнозаводской цивилизации». Первая из них была связана с модернизацией и преемственностью получивших здесь развитие промышленных форм освоения. В этом случае производственные и поселенческие комплексы, возникшие в эпоху горнозаводской цивилизации, послужили основой для ряда более поздних волн индустриализации Урала и Сибири (в период развития капитализма в России в конце XIX века, во время индустриализации 1930-х годов, эвакуации промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны, послевоенного промышленного развития СССР). Подобным образом развивались такие возникшие в эпоху «горнозаводской цивилизации» города как Пермь, Нижний Тагил, Екатеринбург.

Во втором случае отдельные виды производства теряли свою экономическую актуальность и со временем превращались в самобытные ремесла, свойственные старопромышленным районам. К примерам подобных реликтов «горнозаводской цивилизации» можно отнести каслинское литье, златоустовское оружие, сыертские изделия из самоцветов и т.д.

Резюмируя приведенный выше краткий обзор, можно отметить, что «уральская горнозаводская цивилизация» оказала большое влияние на рационализацию культуры регионов Урала и Сибири. Она стимулировала формирование на их территории не только сложных производственных комплексов, но и многих светских социальных институтов. Являясь предшественницей современной индустриальной среды Урала, она породила множество самобытных традиций, определяющих культурную индивидуальность его современных регионов.

Нефтегазодобывающая цивилизация

Начавшееся в 1960-х годах индустриальное освоение территории Тюменского Севера во многих отношениях складывалось по принципиально новой схеме, отличной от предыдущих этапов индустриализации Урала и Сибири. К моменту начала массированного индустриального освоения территория Севера Западной Сибири была крайне слабо заселена. Ее значительную часть составляли практически безлюдные места, малопригодные для жизни ввиду своих экстремальных климатических условий и изолированности от «большой земли». Немногочисленное коренное население края составляли малые народы Севера (ханты, манси, ненцы, селькупы и др.) и русские старожилы, ведущие традиционные, промысловые виды хозяйствования.

После открытий в 1950-1960-х годах на Севере Западной Сибири уникальных по своим объемам месторождений нефти и газа первоначальная задача освоения его территории сводилась к формированию еще не заполненной людьми матрицы производственного комплекса. Ее пространственная структура была намечена строительством рабочих поселков, местоположение которых было «привязано» к районам промышленной разработки крупных месторождений. Первоначально их население отличалось значительной мобильностью и преимущественно состояло из приехавших из разных уголков страны приглашенных специалистов и вахтовых рабочих. Данное обстоятельство определило то, что социальный фактор в них был представлен преимущественно организацией и в значительно меньшей степени коммуникацией [1]. Однако со временем начался процесс своеобразного обживания зоны нового освоения, в котором все более важную роль начинали играть коммуникативные факторы. На уровне человеческого общения здесь имел место процесс постепенной инверсии от формально-организационных форм межличностных взаимодействий к непосредственным контактам.

Формирование опорного каркаса региона также имело ряд специфических, не встречавшихся ранее особенностей. За исключением редких примеров, когда новые центры освоения складывались на месте сформировавшихся здесь ранее русских поселений (к ним можно отнести города Салехард, Ханты-Мансийск, Сургут и поселок Березово, развивавшиеся на месте основанных в XVI-XVII веках ранних форпостов освоения Севера Западной Сибири), в подавляющем большинстве случаев подобные новые поселения создавались «с чистого листа» в непосредственной близости от крупных месторождений или промышленных объектов. Благодаря этой особенности многие города и поселки оказались удалены друг от друга на сотни километров, а единственным надежным способом сообщения между ними долгое время продолжал оставаться авиационный транспорт.

К началу 1980-х годов на территории Тюменского Севера сложилось несколько десятков городов и крупных поселков, в которых быстрыми темпами строилось благоустроенное жилье, и формировалась полноценная социальная инфраструктура.

В истории формирования «нефтегазодобывающей цивилизации» можно проследить специфические процессы эволюции ее ценностной парадигмы. На ранних этапах освоения ее отличал ярко выраженный мононаправленный характер. В нем отчетливо доминировала прагматическая составляющая, которая сводилась к необходимости создания производственного комплекса, призванного любой ценой обеспечить интенсификацию добычи полезных ископаемых. Поэтому многие поселения, возникшие в период нового индустриального освоения, отождествлялись с сугубо утилитарными функциями и, по сути дела, не были рассчитаны на длительное проживание в них людей. Процесс обустройства возникших городов и рабочих поселков, связанный со строительством жилых районов, социальной инфраструктуры, появлением учреждений образования и культуры, стал своеобразным индикатором формирования новой региональной общности индустриального типа. Невольным образом он способствовал усложнению освоенческих ценностей, началом которого стало повышение общественного внимания к комплексу специфических для данного региона экологических, социальных и культурных проблем.

Несмотря на то, что сегодня ресурсодобывающая отрасль продолжает играть решающую роль в экономической и социальной жизни региона, в нем все большее внимание начинает уделяться поиску альтернативных путей развития. Среди них можно выделить попытки возврата к традиционным ценностям доиндустриального освоения и тенденции к формированию постиндустриального сектора социально-экономического развития. Говоря о первом варианте, можно привести примеры возрождения заповедных территорий (родовых угодий) для ведения традиционного жизненного уклада коренных народов Севера или случаи, когда приехавшие когда-то на Тюменский Север бывшие участники его индустриального освоения начинают перенимать опыт промыслового хозяйствования его старожильческого населения. Второй путь подразумевает развитие непродуцирующего (постиндустриального) сектора социально-экономической жизни региона, включающего образование, информационные технологии, различные виды сервисных услуг и т.д.

Данные тенденции можно рассматривать в качестве индикатора диверсификации ценностной парадигмы развития региона. Этот процесс, в свою очередь можно соотнести с определенной «точкой возврата» к некоторым доиндустриальным ценностям, сложившимся в предшествующие этапы освоения территории региона.

Учитывая ключевую роль экспорта нефти и газа в экономике современной России, «нефтегазодобывающая цивилизация» во многих отношениях является не просто локальным социально-технологическим комплексом, но и своеобразной парадигмой экономического развития государства в целом.

Заключение

На территории современной Азиатской России можно выделить ряд масштабных парадигм хозяйственного освоения, породивших свои уникальные цивилизационные ландшафты. Несмотря на то, что многие из подобных «региональных цивилизаций» прекратили свое существование ввиду утраты актуальности присутствующих им принципов освоения в экономической жизни государства, они продолжают оказывать заметное влияние на социокультурный облик современных регионов.

Доминирующая сегодня «нефтегазодобывающая цивилизация», во многом определяющая ресурсодобывающий вектор экономики современной России, рано или поздно должна уйти в историю, как и предшествовавшие ей формы освоения, уступив свое место другим актуальным парадигмам развития отечественной экономики. В связи с этим осмысление цивилизационной динамики Азиатской России должно стать важным фундаментом не только для системного понимания территориального устройства государства, но и для поиска путей диверсификации дальнейшего развития регионов, расположенных на ее территории.

Можно выделить следующие основные сферы практического применения разрабатываемого нами подхода. Во-первых, он может служить концептуальной основой для стратегического планирования развития отдельных регионов и муниципальных образований. На его основе возможна разработка сценариев восприимчивости тех или иных территориальных образований к определенным экономическим и социокультурным инновациям, поиск оптимальных путей их развития, которые бы гармонично сочетались с логикой их исторического генезиса. Также нельзя забывать о том, что многие цивилизационные ландшафты, утратившие свое бывшее экономическое значение, сегодня можно рассматривать в качестве выдающихся феноменов отечественного историко-культурного наследия. Как уже отмечалось выше, к их ярким примерам можно отнести исторические города, выступавшие в роли первых форпостов освоения Сибири и развития «пушной цивилизации», соледобывающие города, являющиеся хранителями строгановских традиций, самобытные центры ремесел «уральской горнозаводской цивилизации» и многие другие специфические системы расселения, обладающие неповторимыми культурными традициями. Их системное изучение может выступать в качестве концептуальной основы для комплексного развития культурно-познавательного туризма на территории России путем формирования межрегиональных тематических маршрутов.

И, наконец, разработка данного подхода может помочь исследователям хотя бы отчасти приблизиться к ответам на следующие извечные вопросы: какова роль России в общемировых цивилизационных процессах, и какие цивилизационные пути наиболее приемлемы для ее будущего развития.

Список литературы

1. Баньковский Л. А. Сад XVIII века. Соликамск: ОГУП ИПК, 2004. 202 с.
2. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463-465.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
4. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия. М. - СПб.: Институт наследия; Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
5. Ганопольский М. Г. Региональный этнос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. 160 с.
6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
7. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008. 1198 с.
8. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973. 245 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2001. 509 с.
10. Подорога В. А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв. М.: Наука, 1993. 320 с.
11. Федоров Р. Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 3. С. 229-234.
12. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 664 с.
13. Rubinstein J. The Cultural Landscape: an Introduction to Human Geography. Pearson Education, Inc., 2010. 510 p.
14. Sauer K. Morphology of Landscape // Publications in Geography. University of California, 1925. Vol. II. № 2. P. 36-48.

**REGIONAL CIVILIZATIONAL LANDSCAPES:
INTRODUCTION INTO NOTION AND RECONSTRUCTION ATTEMPT**

Roman Yur'evich Fedorov, Ph. D. in Philosophy
*Earth Cryosphere Institute
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
r_fedorov@mail.ru*

The author for the first time suggests the idea of the notion “civilizational landscape” introduction into the methodological approaches of classical researches, presents his own conception of regional civilizational landscapes, and by the example of the reconstruction of Ural and Siberia regions formation in the XVIth-XXth centuries determines “salt-producing”, “fur-producing”, “mining” and “gas and oil producing” regional micro-civilizations, each of which formed its own unique civilizational landscape expressed in specific production and settlement systems.

Key words and phrases: civilizational landscape; local civilizations; region; social-technological complex; territories economic development; Asian Russia.

УДК 947.084.63(3)

Статья посвящена проблеме обеспечения пищевых предприятий Поволжья работниками в 1938-1941 гг. Рассматриваются предпринимаемые государством меры по борьбе с текучестью кадров. Автор выделяет следующие причины сокращения численности работников: переброска кадров на оборонные заводы, массовый призыв в Красную Армию, отставание роста зарплат от уровня инфляции, нерешенность жилищного вопроса. В статье показано, что проводимые в предвоенный период мероприятия, призванные укрепить обороноспособность страны, значительно ослабили кадровый потенциал пищевых предприятий.

Ключевые слова и фразы: производительность труда; трудовая дисциплина; текучесть кадров; переброска работников; замещение мужского труда женским; высвобождение рабочей силы; отставание роста зарплаты от уровня инфляции.

Сергей Геннадьевич Филатов, к.и.н.

*Кафедра экономики, управления и природопользования
Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Пензе
filatov_sg@mail.ru*

**ПУТИ РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОВОЛЖЬЯ В 1938-1941 ГГ. ©**

Важнейшие производственные показатели – производительность труда и себестоимость продукции – напрямую зависят от обеспеченности предприятий квалифицированными кадрами. В наши дни повышение качества труда возможно только при комплексном технологическом характере работы с кадрами, активном применении методов морально-психологического и материального стимулирования, широком использовании элементов планирования. Поэтому и сегодня актуален опыт предвоенных лет, когда кадровую проблему приходилось решать в крайне сложных условиях.

Одной из ключевых проблем пищевых предприятий была высокая текучесть кадров, которая заметно усилилась после выхода 28 декабря 1938 г. постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле», согласно которому работник, допустивший в течение двух месяцев подряд три нарушения трудовой дисциплины, подлежал увольнению [35, ст. 1].

В 1939 г. увеличилось количество увольнений за прогулы по большинству спиртзаводов, Мордовскому тресту сельхозмукомолья, Пензенскому тресту «Маслопром» [12, д. 9, л. 13; 21, д. 10, л. 2; 25, д. 13, л. 155]. На Куйбышевской макаронной фабрике по итогам 1939 г. при среднесписочном составе 340 чел. было уволено за прогулы 485 чел.; текучесть рабочей силы по Пензенской бисквитной фабрике за 1939 г. выросла в сравнении с 1938 г. в 1,6 раза (61,7% работников из общего числа убывших были уволены за прогулы); на дрожжевом заводе при среднесписочном числе рабочих в 71 чел. приняли за год – 225, уволили – 221 чел. (102 чел. за прогул); по Мелекесскому заводууправлению «Главмука» приняли – 1234, уволили – 1328 чел.; по Ульяновскому ликероводочному заводу при численности в 102 чел. было принято 84 и уволено 118 чел. [5, д. 5, л. 4; 14, д. 5, л. 11; 24, д. 52, л. 75]. Высокой была текучесть и среди артельщиков промысловой кооперации. Так, по Куйбышевскому облпищепромсоюзу на 1 января 1940 г. насчитывалось 1549 членов артелей; кооперировано за 1939 г. было 1831 чел., выбыло же – 1557 чел. [22, д. 3, л. 10].

Кроме увеличения числа увольнений на рост текучести кадров в пищевой промышленности значительное влияние оказал принятый 1 сентября 1939 г. закон о всеобщей воинской повинности, повлекший массовую мобилизацию работников пищевых предприятий.